M 160/322

П 160
322

ОЧЕРКЪ СОБЫТІЙ

НОВОЙ ИСТОРІИ,

И ОТНОШЕНІЕ ИХЪ

КЪ СИСТЕМѢ ПОЛИТИЧЕСКАГО РАВНОВѢСІЯ.

Соч. В. Классовскаго.

In jedem Zeitalter wirkt ein noch unerkanntes Princip, das erst dann erkannt wird, wenn es seine Wirkung vollendet hat.

Schelling.

(*Akad. Vortr. über «Philosophie der Mythologie»* 1845, *zu Berlin.*)

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Карла Крайя.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 17 Декабря 1848 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

Изм стр 27-28.

«Чѣмъ устранить этотъ Дамокловъ мечъ?» спрашиваютъ ревнители мирной цивилизаціи.

Вопросъ такъ важенъ по своему приложенію, такъ богатъ соображеніями, къ которымъ ведутъ однѣ уже попытки рѣшить его, что первоклассные умы никогда не переставали заниматься имъ, со всѣмъ должнымъ вниманіемъ и любовью. Сверхъ того, углубленіе въ него подало мысль о *политическомъ равновѣсіи*, составившемъ въ свою очередь отличительную физіономію «трехъ послѣднихъ столѣтій,» и потому *Новую Исторію* непремѣнно должно начать этимъ вопросомъ, или она представится чѣмъ-то отрывочнымъ, сборникомъ явленій неизвѣстнаго происхожденія, какъ бы упавшихъ съ неба (*). Нельзя не согласиться, что подобные аэролиты не могутъ быть терпимы въ современной наукѣ.

(*) При безумномъ нынѣшнемъ стремленіи западной Европы попирать форму законности, порожденную и послѣдовательно развитую ходомъ событій трехъ послѣднихъ столѣтій, полезнѣе, чѣмъ когда либо, вникать въ коренные государственные вопросы, въ числѣ которыхъ первое мѣсто безспорно принадлежитъ взгляду на *политическое равновѣсіе*. Вникая въ происхожденіе его, всякій убѣдится, что крайне неблагоразумно покидать проложенную дорогу и съ трудомъ достигнутую цѣль — для невѣдомыхъ путей, для мечтательныхъ намѣреній.

Нѣкоторые публицисты, справедливо считая вóйны бичемъ человѣческаго рода, утверждали, что для прекращенія ихъ, необходимо связать одною братскою цѣпью всѣхъ людей, доселѣ столь различныхъ чертами разноплеменности, нравами— слѣдствіями мѣстно-климатныхъ условій и т д. Въ числѣ сильно соединяющихъ средствъ, на первомъ мѣстѣ, полагается развитіе нравственной и физической природы двухъ, трехъ поколѣній сряду *воспитаніемъ*, во всей Европѣ *единообразнымъ*, истекающимъ изъ однихъ общихъ началъ, чуждыхъ даже отличительнаго своеобразія народностей. Прямымъ результатомъ этихъ усилій будетъ водвореніе мира разъ навсегда, и золотой вѣкъ который поэзія отнесла къ первобытнымъ временамъ, хотя нигдѣ еще не отыскала его Исторія, золотой вѣкъ перестанетъ быть химерою.

Нужно–ли доказывать, что такія надежды умѣстны только въ мечтательной утопіи? Безспорно, сложная правительственная наука совершенствуется съ теченіемъ времени; съ каждымъ новымъ событіемъ правители народовъ отчетливѣе понимаютъ свои и чужія средства и цѣли, пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе навыка владѣть государственнымъ механизмомъ; по мѣрѣ сего дѣйствительнаго успѣха, вездѣ улучшаются системы податныхъ сборовъ, облагораживается духъ законовъ, и проч.; наконецъ, по свойственной чело-

вѣку переимчивости, правительства постоянно и невольно усвоиваютъ себѣ другъ отъ друга разныя учрежденія—произведеніе опыта и открытій: словомъ, взаимное сближеніе націй и отсюда общій ихъ успѣхъ неоспоримы; дальнѣйшему развитію ихъ открытъ огромный горизонтъ будущности—но, увы! горизонтъ сей не безбреженъ: предѣлы его—въ самомъ сердцѣ человѣка. Пока у людей будутъ страсти, т. е. пока люди останутся людьми — сѣмя раздора не переведется въ ихъ обществѣ. Пожары, волканическія изверженія, наводненія, моровая язва, преступленія — эти разнообразные отпрыски общаго тунеяднаго корня зла — неистребимы; слѣдовательно и война, одна изъ формъ зла, всегда будетъ возможна, а вѣра въ царство вѣчнаго мира на земли есть то же, что простодушіе алхимиковъ, чаявшихъ перерожденія старца въ юношу, и всѣхъ металловъ въ золото....

Другіе поборники миролюбія, приписывая все зло столкновенію политическихъ интересовъ и происходящимъ отъ того недоразумѣніямъ, то умышленнымъ, то невольнымъ, предлагали учредить *общее союзное судилище* (tribunal fédératif), для благовременнаго разбирательства случаевъ, порождающихъ распри. Сія мѣра входила, между прочимъ, въ любимый планъ французскаго короля Генриха IV, не на шутку помышлявшаго о

возможности нерасторгаемаго союза между европейскими государствами.

Положимъ, что подобныя судилища, признанныя всѣми державами, вооружены достаточною силою, чтобы изрекать примирительные приговоры безъ страха и лицепріятія. Но кто поручится въ неукоснительности повиновенія, если оно не совпадетъ, какъ то часто можетъ случиться, съ достоинствомъ или выгодами получившаго приказаніе? Относительная слабость ослушника ничего здѣсь не значитъ: въ Исторіи осталось множество свидѣтельствъ тому, что слабые государи ополчались противъ сильныхъ. Какимъ образомъ новые амфиктіоны воспрепятствуютъ симъ частнымъ взрывамъ?... Притомъ надобно замѣтить, что нынѣшняя *дипломація* имѣетъ то же назначеніе и почти ту же участь, а именно: она старается, какъ искусный врачъ, захватить въ самомъ началѣ оборотъ дѣлъ, угрожающій ниспроверженіемъ гармоніи цѣлаго: слѣдуя преимущественно методѣ выжидательной, она дѣлаетъ все, что человѣчески возможно: прибѣгаетъ къ переговорамъ, благоразумнымъ уступкамъ, всматривается хладнокровно въ спорные пункты съ разныхъ сторонъ, — и что же? Вопреки всѣмъ усиліямъ дипломатическаго ума, вошедшаго въ повсемѣстную пословицу своею гибкостью и глубиною, война бываетъ весьма часто неотвратима! Какимъ же залогомъ обезпечило

бы общее европейское судилище удобоисполняемость своихъ обѣщаній — подарить намъ аркадскія времена?

Есть еще третье мнѣніе касательно пути къ уничтоженію войны. Послѣдователи его желали бы ввести *одинаковый образъ правленія у всѣхъ народовъ*. Трудно представить себѣ что нибудь неосновательнѣе этой мысли.

При управленіи Европы одними лишь *монархами* съ неограниченною властью, раздоры возможны въ слѣдствіе взаимныхъ между ими отношеній. Въ правленіяхъ *представительныхъ*, сложность интересовъ, удесятеряемая частными воззрѣніями на предметы, временное торжество партіи, враждебной одному изъ сосѣдей и доброжелательной къ другому, — все это отразится во внутренней и внѣшней политикѣ, и подастъ безчисленные поводы къ войнамъ. — Говоритъ ли о *республикахъ?* Благость Провидѣнія заставляетъ насъ уповать, что Оно не повергнетъ Европы въ омутъ неопредѣленности и злобныхъ страстей, свирѣпствующихъ теперь на Западѣ во имя народодержавія. Пока еще зло, конечно временное, въ своемъ разгарѣ, всмотритесь попристальнѣе въ положеніе «великой націи», давнишней предводительницы безначалія. Кто рѣшится отвѣчать, не болѣе какъ на однѣ сутки, за прочность власти котораго нибудь изъ тамошнихъ правителей, за живучесть

того или другаго учрежденія? Не рушится ли завтра авторитетъ лицъ и началъ, которымъ еще сегодня тамъ рукоплещетъ толпа? Можно ли же положиться на дружбу съ государствомъ, въ *третій* разъ перешагнувшимъ, на *памяти одного поколѣнія*, въ крайности безпорядка?... Впрочемъ, оставивъ Французовъ, мы видимъ въ Исторіи многократное повтореніе ихъ участи: рѣдко запирался храмъ Януса въ Римѣ, когда упрявляли имъ народные трибуны, и изгнано было спокойствіе изъ республикъ поэтической Эллады; не менѣе ожесточенныя страсти волновали республиканцевъ Венеціи, Генуи и Пизы.... Спрашивается: которому образу правленія слѣдуетъ восторжествовать повсюду въ Европѣ, для того, чтобы война сдѣлалась невозможностью?

Наконецъ, время и опытъ указали иную систему, конечно несовершенную, какъ и все человѣческое, но уже не мечтательную, удобоприлагаемую, потому что она не въ разладѣ съ нашею природою— это система *политическаго равновѣсія*, или *взаимныхъ противодѣйствій*. Она состоитъ въ соединеніи просвѣщенныхъ государствъ въ одно цѣлое, впрочемъ отнюдь не послагая на ихъ индивидуальное своебразіе въ развитіи. Задача ея — охранять независимость каждой державы, призванной быть членомъ обще-европейскаго семейства. Краеугольный камень «системы равновѣсія» — уваженіе къ

законности; ея исходная точка — договоры. По сущности своей оборонительная, она побораетъ тяжелою массою совокупившихся отдѣльныхъ силъ честолюбивую предпріимчивость завоевателей, противопоставляетъ препоны разливу анархіи и всякому произвольному, насильственному извращенію отношеній, освященныхъ трактатами.

Система равновѣсія не могла сдѣлать невозможнаго — не устранила войнъ, и ея исторія отъ времени до времени омрачена кровопролитіями и вѣроломствомъ—die Weltgeschichte ist das Weltgericht! Но никто не станетъ оспаривать необъятнаго добра, которымъ ознаменовалось ея существованіе: *ей* въ особенности обязана Европа свѣтлыми днями, взростившими цвѣтъ и плоды нынѣшней нашей гражданственности.

Съ точностью извѣстны эпоха и мѣсто, къ которымъ можно отнести начало *политическаго равновѣсія* въ Европѣ: оно возникло въ 1494; колыбель его — Италія.

Въ концѣ XV вѣка Апеннинскій Полуостровъ былъ покрытъ безпокойными мелками республиками и монархическими владѣніями; тщетно взаимная зависть разъединяла ихъ: однородность стремленія къ одинѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ не давала распасться на части этому политическому тѣлу, какъ ни чуждо было оно, съ виду, внутренняго единства. Въ этотъ хаосъ соперничества постоянно

проникала своекорыстная политика папъ, и, извилистыми путями католицизма, составляла если не счастіе, то славу всей Италіи, служа часто для нея общимъ знаменемъ.

Первый узелъ разсматриваемой нами политической системы завязанъ былъ: *коалиціею противъ Карла VIII, Камбрейскимъ союзомъ противъ Венеціи*, и *Священною лигою Юлія II* противъ Французовъ. Здѣсь впервые подвергнуты преніямъ и опредѣлены съ точностью виды договаривавшихся сторонъ, средства къ исполненію предполагаемаго ими и вѣроятные результаты предстоявшей войны. Такимъ образомъ родилось *народное право*, которое разсматриваетъ народы, какъ лица, подчинивъ разъ навсегда отношенія между первыми требованіямъ строгой законности. — Ровесницею народному праву справедливо почитаютъ *дипломацію*, призванную, какъ извѣстно, вести переговоры отъ имени державъ, предотвращать войны, или, за невозможностью сего предотвращенія, взвѣшивать ихъ причины и средства для того, чтобъ давать раціональное направленіе ихъ послѣдствіямъ.

Съ этой точки зрѣнія «Исторію трехъ послѣднихъ столѣтій» можно раздѣлить на шесть эпохъ, обозначая ихъ именами великихъ людей и важныхъ событій: 1) періодъ Карла V, 2) Филиппа II,

3) Фердинанда II, 4) Людовика XIV, 5) ФридрихаВ., 6) Французской Революціи.

Предѣлами *перваго* періода служатъ: начало реформаціи и Аугсбургскій миръ (1517 — 1555); содержаніемъ — религіозный переворотъ. Какъ политическія событія, принадлежатъ ему: царствованіе Франциска I и Като-Камбрезійскій миръ. Первыя два происшествія не выходятъ изъ области субъективныхъ убѣжденій тогдашняго человѣчества; послѣднее, относительно предъидущихъ, есть плодъ сихъ убѣжденій. Но всѣ эти факты такъ тѣсно связаны между собою во все продолженіе XVI вѣка, что частная оцѣнка каждаго изъ нихъ возможна только при постоянномъ ихъ взаимномъ сличеніи и разсматриваніи, постоянно совокупномъ.

Въ началѣ *перваго* періода Новой Исторіи, Австрійскій домъ достигъ необыкновеннаго могущества. Альберту II предоставлена императорская корона; Фридрихъ III присоединяетъ къ своему родовому достоянію владѣнія братьевъ своихъ, Альберта и Сигизмунда, получаетъ для своего сына, эрцгерцога Максиміліана, руку Маріи Бургундской, и съ тѣмъ вмѣстѣ — великолѣпное наслѣдство — семнадцать бельгійскихъ провинцій; Максиміліанъ увеличиваетъ отцовское наслѣдіе графствами Горицею и Градишкою; какъ наслѣднику графа Леонарда, ему достается еще часть

сокровищъ Георга, герцога баварскаго; онъ же пролагаетъ своему роду путь къ двойному пріобрѣтенію, устроивъ два брака, состоявшіеся впрочемъ послѣ его смерти: мы разумѣемъ бракъ Людовика II, тогдашняго наслѣдника коронъ венгерской и богемской, съ внукою Максимиліана Маріею, и бракъ Фердинанда съ Анною, сестрою Людовика. Филиппъ Прекрасный, сынъ Максимиліана, пріобрѣтаетъ, чрезъ бракъ свой съ Іоанною Безумною (Jeanne-la-Folle), дочерью Фердинанда Арагонскаго и Изабеллы Кастильской, испанскую монархію, Америку и королевство Обѣихъ-Сицилій.

Наконецъ, въ Гентѣ родился сынъ Филиппа и Іоанны, Карлъ V, въ началѣ вѣка (24-го Февраля 1500 г.), которому суждено было исполниться славою и страхомъ Карлова имени. Наслѣдовавъ своему дѣду по матери въ 1516 году, а въ 1519 дѣду съ отцовской стороны, вѣнчанный императоромъ въ 1520 г., государь сей открыто началъ стремиться къ основанію всемірной монархіи, и осуществленію тѣмъ своего фамильнаго девиза (*).

Власть одного, о которой здѣсь идетъ рѣчь, не есть деспотизмъ завоевателя, стремящагося къ

(*) A. E. I. O U. т. е. Austriae Est Imperare Orbi Universo (Австріи предоставлено повелѣвать всею вселенной).

открытому порабощенію или истребленію народовъ: *всемірная* монархія, угрожавшая тогдашней Европѣ, должна была выразиться только перевѣсомъ одного государства, коего глава могъ стѣснять политическое значеніе и торговыя выгоды всѣхъ прочихъ государствъ, входить въ ихъ внутреннія и внѣшнія дѣла, словомъ, держать ихъ въ зависимости, по крайней мѣрѣ феодальной.

Могущество Карла съ особенною тяжестью налегло на Францію, угрожая ей съ сѣвера, востока и юга. Отсюда, весьма естественно, основною мыслью французской политики должна была сдѣлаться смертная вражда къ опасному сосѣду-колоссу. — Первое сопротивленіе австрійской гегемоніи принадлежитъ Франциску I. Онъ не только мужественно боролся самъ съ могуществомъ Карла, но и завѣщалъ преемникамъ своимъ планъ для дальнѣйшей борьбы, впредь до окончательнаго достиженія предполагаемой Франціею цѣли. Иначе поступалъ Генрихъ VIII: благоразуміе совѣтовало ему охранять новорожденное *равновѣсіе;* онъ, напротивъ — содѣйствовалъ усиленію Австрійскаго дома.

Между тѣмъ событія быстро шли къ дальнѣйшей своей развязкѣ. Договоры, подписанные двумя главными соперниками, почти всѣ клонились къ выгодамъ императора; потеря Миланскаго герцогства, недавно еще пріобрѣтеннаго Французами,

была равносильна пораженію. Тѣмъ не менѣе, на пути къ главной цѣли Франциска, сдѣланъ былъ не одинъ шагъ впередъ, и Франція съ честью отстаивала свою землю и свою независимость. — Франциску I помогали Турки. Сулейманъ Великолѣпный, шесть разъ опустошивъ Венгрію, помѣшалъ овладѣть ею Австрійскому дому, не смотря на сорокалѣтнія усилія къ тому императоровъ. Вообще дружба Турціи съ Франціею, тѣмъ болѣе прочная, что между ими не находилось повода къ взаимному антагонизму, сильно стѣсняла кругъ дѣятельности австрійской политики, а это, въ свою очередь, побуждало Франциска къ заключенію новыхъ трактатовъ съ Турціею, вопреки негодованію благочестиваго XVI вѣка на коротость христіанъ съ мусульманами. Послѣдствія этого негодованія имѣли даже нѣкоторую важность, потому что представителемъ его былъ папа, а его во всякомъ случаѣ слѣдовало имѣть на своей сторонѣ желавшему успѣвать въ Италіи. Какъ бы то ни было, Франція не вполнѣ достигла выгодъ, ожидаемыхъ отъ своего двойнаго вооруженія: Францискъ, увлеченный силою обстоятельствъ подписываетъ Ницкое перемиріе, а оттоманскій флотъ, предназначенный опустошать берега Италіи и Испаніи, не будучи въ силахъ долѣе дѣйствовать противъ императора, ограничился легкимъ завоеваніемъ нѣсколькихъ венеціянскихъ

острововъ на Архипелагѣ, и высадилъ значительную часть турецкаго войска въ Аравіи для завоеваній, чуждыхъ Европѣ.

Реформація могла бы доставить Франциску безцѣнныя выгоды, если бъ онъ добровольно не оттолкнулъ ихъ, предавъ въ руки инквизиціи нѣкоторыхъ своихъ подданныхъ, слѣдовавшихъ новому религіозному ученію. Что касается до Карла, то онъ щадилъ протестантовъ, только пока боялся союза Франціи съ Шмалькальденскою лигою; но лишь только ему развязала руки смерть Генриха VIII и Франциска, онъ началъ войну, ознаменовавшуюся Мюльбергскою битвою, столь гибельною для реформаціи. Съ этого времени онъ становится уже, на самомъ дѣлѣ, повелителемъ Германіи, и, усиливъ свои средства новымъ расширеніемъ императорской власти, открыто угрожаетъ своимъ ближнимъ и дальнимъ сосѣдямъ.

Наибольшая опасность грозила, повидимому, Лютерову ученію, но опасенія его послѣдователей въ Германіи были непродолжительны. Недовольный Генрихомъ II за союзъ его съ Морицомъ Саксонскимъ, примѣтно охладѣвая къ дѣламъ въ послѣдніе годы своего царствованія, Карлъ V заключаетъ Пассауское перемиріе, и снова направляетъ оружіе на Францію; но, отраженный при Мецѣ, онъ принужденъ подписать Аугсбургскій миръ.

Вскорѣ ранняя старость застигаетъ утомленнаго монарха. Подъ ея бременемъ изнемогая духомъ и тѣломъ, онъ передаетъ своему сыну, Филиппу II, Нидерланды и Бургундію, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и всѣ свои короны (1556). 27-го Августа того же года, Карлъ слагаетъ съ себя императорское достоинство въ пользу своего брата, Фердинанда. Новый Діоклетіанъ, столько разъ наводившій страхъ на своихъ враговъ, разбившій столько армій, бравшій въ плѣнъ королей и папъ, виновникъ безчисленныхъ кровопролитій на моряхъ и сушѣ, во всеуслышаніе признаетъ суетность человѣческой славы, и заключается инокомъ въ пустынной кастильской обители. Его отпѣли заживо, и онъ умеръ въ самую почь совершенія надъ нимъ преждевременнаго обряда.

Царство, доставшееся Филиппу II, было богаче существенными средствами, чѣмъ монархія Карла, въ которой «не заходило солнце.» Колоніи, обогащавшія дотолѣ только частныхъ лицъ, сдѣлались теперь исключительно собственностью главы метрополіи, и сокровища Новаго Свѣта очистили для нея первое мѣсто въ современномъ политическомъ мірѣ. Не удивительно, что въ Европѣ не находилось, повидимому, государства, которое однѣми собственными силами могло бы идти войною на Испанію. Филиппъ II, супругъ Маріи, дочери Генриха VIII и сестры Эдуарда VI, могшій

располагать содѣйствіемъ Англіи, которая снова примкнула было къ католицизму, разбилъ Французовъ при Сенъ-Кантенѣ и Гравелинѣ, заключилъ Като-Камбрезійскій миръ, и, полный презрѣнія къ сосѣдямъ, далъ широкій просторъ своему высокомѣрію. —

Сѣверъ, рѣзко отдѣляясь отъ остальной Европы, держался въ отчужденіи отъ политики Юга и всѣхъ ея интересовъ. Скандинавскія государства, заключенныя незадолго предъ тѣмъ въ искуственный кругъ Кальмарской уніи, мало по малу обратились каждое въ свою сторону. Норвегія осталась за Даніею. Густавъ Ваза ввелъ въ Швеціи Евангелическое исповѣданіе (1527). Десять лѣтъ Данія стонала подъ тиранствомъ Христіерна II. Сѣверный Неронъ, низложенный въ 1523 г., не могъ снова овладѣть короною, не смотря на помощь своего зятя, Карла V. Испытавъ неудачу въ своихъ контръ-революціонныхъ замыслахъ, онъ двадцать пять лѣтъ томился въ печальномъ заточеніи, имѣя единственнымъ собесѣдникомъ своего шута. Въ преемники Христіерну былъ избранъ Фридрихъ Миролюбивый. Вскорѣ потомъ, пропсками Любской республики, возжены были безпорядки, которые подъ именемъ «Графской войны» оставили кровавую по себѣ память въ народныхъ лѣтописяхъ Даніи. Воцареніе Христіерна III положило конецъ анархіи (1534); онъ же водворилъ

протестантизмъ въ Даніи. Послѣ этихъ событій, Швеція и Данія вошли въ составъ европейскаго политическаго организма. Отсюда уже недалеко было время ихъ дѣятельнаго участія въ столкновеніи народовъ, обагрившемъ кровію Европу во имя религіозной цѣли, для достиженія чисто-политическихъ выгодъ.

Еще болѣе скандинавскихъ народовъ славянскія государства устранены отъ общаго потока событій, предоставленныя исключительно себѣ самимъ. Россія, знавшая западную Европу лишь по имени, и почти не знаемая ею, окончательно сбрасываетъ съ себя азіятское иго, крѣпнетъ въ централизаціи единодержавія, созданной Іоанномъ Великимъ. Царство Казанское смиряется передъ Грозным. Едва поборовъ нашихъ азіятскихъ повелителей,—мы запасаемся силами къ страшной годинѣ Самозванцевъ, и къ трудной борьбѣ съ ухищреніями іезуитско-польской политики.

Польша, въ этомъ періодѣ, играла значительную роль между сѣверными державами, не смотря на то, что внутреннія язвы безостановочно подтачивали жизненность въ самомъ ея сердцѣ. Главныя изъ этихъ язвъ были: безсиліе королей, своевольство шляхты, всеобщій духъ крамолы и отчужденіе природныхъ Поляковъ отъ торговли. При Сигизмундѣ I, великій магистръ Тевтонскаго ордена, Альбрехтъ Брандебургскій, принявъ уче-

ніе Лютера, обязался быть ленникомъ польской коропы. Король, приходившійся Альбрехту дядей, предоставилъ своему новому вассалу, по Краковскому трактату, Тевтонскую Пруссію въ потомственное обладаніе. Въ слѣдствіе секуляризаціи Пруссіи, Тевтонскій орденъ лишился земли, принадлежавшей ему три столѣтія, и, принужденный довольствоваться своими нѣмецкими владѣніями, водворился въ Франконскомъ городкѣ Мергентгеймѣ. Вальтеръ фонъ Плеттенбергъ, тогдашній гермейстеръ ливонскихъ Меченосцевъ, объявилъ навсегда разорванными узы, связывавшія его съ Тевтонскимъ орденомъ. Наконецъ, когда лютеранизмъ проникъ въ Ливонію, граждане Риги провозгласили своимъ властелиномъ Вальтера, и выгнали архіепископа. Ревельцы сдѣлали то же въ Эстоніи. Мѣстное католическое духовенство, испуганное такими переворотами, подчинилось новому порядку вещей, и пристало, за одно со всѣми, къ новому религіозному ученію (1526). Первое появленіе лютеранизма между Поляками относится къ 1521 году.

Во *второмъ* періодѣ Новой Исторіи, или лучше сказать, исторіи политическаго равновѣсія (отъ Като-Камбрезійскаго трактата до кончины Елисаветы Англійской, 1559 — 1603), Филиппъ II, король испанскій, прибѣгаетъ къ невѣроятнымъ усиліямъ, чтобы подвести всю западную Европу

подъ общій уровень католицизма и испанской гегемоніи. Сдѣлавшись повелителемъ Португаліи и ея колоній, онъ вездѣ преслѣдуетъ, съ непреклонностью, духъ реформаціи, которая религіозною свободою пролагала путь къ свободѣ политической. Реформація противопоставила своему гонителю Вильгельма Молчаливаго, Елисавету Англійскую и Генриха IV.

Между тѣмъ мелкія «Соединенныя Провинціи» смѣло и побѣдоносно возстаютъ противъ грознаго Филиппа и инквизиціи. Голландцы не только упрочиваютъ завоеванную ими независимость, но еще, какъ неустрашимые моряки, принужденные добывать себѣ осѣдлость у океана, покрываютъ его поверхность своими кораблями, тревожатъ испанско-португальскія колоніи, расхищаютъ сокровища, привезенныя изъ Мексики и Перу.

Къ удивленію своему и всей Европы, отраженный отъ береговъ Нѣмецкаго моря, испанскій король рѣшается низложить Елисавету. Много было поводовъ къ этой неудачной рѣшимости: она отвергла его брачное предложеніе, приняла преобразованную Лютеромъ религію, покровительствовала французскимъ протестантамъ, поддерживала возстаніе въ Нидерландахъ, словомъ, вездѣ являлась препоною на пути Филиппа. Испанскій король началъ съ того, что объявилъ себя мстителемъ трагической смерти Маріи Стюартъ. Гроз-

но шли приготовленія къ войнѣ, но и здѣсь суждено было рушиться его планамъ: флотъ, прежде вступленія въ открытое море нареченный «непобѣдимымъ» уничтоженъ былъ бурею и Англичанами.... Это былъ смертный ударъ для Филиппа, и потому, когда Елисавета, окруженная блестящимъ дворомъ, праздновала свой тріумфъ въ храмѣ Св. Павла, казалось, что, тамъ совершается погребальная церемонія надъ Испаніею.

Послѣ невознаградимыхъ потерь, Филиппъ сосредоточилъ свои силы для послѣдней борьбы съ Генрихомъ IV, но вскорѣ принужденъ былъ признать себя побѣжденнымъ, и, подписавъ Вервенскій трактатъ, еще разъ явилъ примѣръ усмиренной гордости. Карлъ V спокойно кончилъ свою жизнь; Филиппъ испилъ до дна чашу страданій душевныхъ и тѣлесныхъ. Мало того, что Голландскіе рыбаки и купцы, не смотря на всѣ усилія его, воздвигли зданіе своей республики, «прекрасная весталка Запада,» — какъ называетъ Елисавету Шекспиръ,—съ новою славою продолжала возсѣдать на одномъ изъ самыхъ прочныхъ престоловъ въ мірѣ, а Генрихъ IV искусно уврачевалъ раны, нанесенныя Франціи 38-ми-лѣтними междоусобіями. Къ этому присоединилась у Филиппа болѣзнь, поразившая нѣкогда самаго свирѣпаго изъ римскихъ диктаторовъ; она состояла въ медленномъ гніеніи еще живаго тѣла. Такимъ испыта-

віямъ обрекло Провидѣніе самаго могущественнаго владыку Европы въ XVI вѣкѣ! —

Внѣ сихъ общественныхъ движеній, вызвавшихъ на позорище дѣйствія враговъ и друзей кальвинизма, исторія Сѣвера представляетъ также нѣсколько замѣчательныхъ событій.

Скандинавскія державы, дотолѣ почти чуждыя Славянамъ, вступаютъ съ ними въ сношенія по дѣламъ Ливоніи, которая, во вредъ другимъ важнѣйшимъ дѣламъ, составила цѣль политики Іоанна IV. Гермейстеръ Ливонскаго ордена Готгардъ Кеттлеръ соглашается на подданство бо́льшей части Ливоніи польскому королю Сигизмунду II. Курляндія и Семигалія достаются самому Кеттлеру, какъ лепъ Польши, а орденъ Меченосцевъ прекращаетъ свое существованіе. Между тѣмъ Швеція объявляетъ притязанія на нѣкоторыя части Ливоніи, но Польша отстаиваетъ свое новое пріобрѣтеніе, за которое споря, умеръ послѣдній изъ Ягеллоновъ Сигизмундъ II (1572).

Съ XVI столѣтіемъ не прекратилась взаимная вражда двухъ вѣроисповѣданій; они продолжаютъ оспоривать другъ у друга основанія внутреннихъ убѣжденій. Но Европа уже болѣе прежняго занимается интересами войны, политики и торговли, чѣмъ вопросами религіозными, что и служитъ рамою и вмѣстѣ содержаніемъ Исторіи XVII вѣка. Очевидно, подобная перемѣна, какъ и всякое нѣ-

сколько значительное преобразованіе, не могла совершиться вдругъ; ей предшествовали переломы, излившіе, послѣ кратковременнаго обманчиваго спокойствія (1603 — 1618), бѣдствія всякаго рода на Европу — это Тридцатилѣтняя война, или *третій* отдѣлъ системы равновѣсія. Война сія, раздѣляемая обыкновенно на четыре періода, на палатинатскій, датскій, шведскій и французскій, пересадила средоточіе европейской политики въ Германію. Тридцатилѣтная война, по мѣрѣ своего приближенія къ концу, все болѣе и болѣе теряетъ изъ виду свою первоначальную цѣль; существуетъ и питается частными враждебными страстями, ею же порожденными или, по крайней мѣрѣ, ею оживляемыми.

Честолюбивыя предначертанія и помыслы о всемірной монархіи, въ эту эпоху менѣе чѣмъ когда либо исполнимые, все еще держались въ Австрійскомъ домѣ, какъ основныя аксіомы и путеводная нить политики, какъ родовое наслѣдіе, завѣщанное отъ прошедшаго. Фердинандъ II, соединивъ тѣснымъ союзомъ обѣ линіи своего Дома (*), желалъ

(*) Старшая линія, или Испанская, и младшая, или Нѣмецкая, имѣли главами: первая — Карла V, вторая — Фердинанда I. Первая, произведшая пять государей, погасла въ 1700, и замѣщена Бурбонами; послѣдняя, изъ которой вышло семь императоровъ, пресѣклась въ мужскомъ колѣнѣ въ 1740 г., и завѣщала свое наслѣдство Лотарингскому дому.

подчинить себѣ Германію, и истребить реформацію. Не смотря однакожъ на его дарованія и постоянство въ стремленіи къ предположенной цѣли, не смотря на содѣйствіе испанскихъ королей, Филиппа III и Филиппа IV, ему не удалось осуществить ни одного изъ двухъ намѣреній. Сынъ его, Фердинандъ III, подписавшій Вестфальскій миръ, не былъ счастливѣе отца. Искусные министры и военачальники съ противной стороны, Шведы, впервые вмѣшавшіеся въ западныя дѣла, и Французы, ведомые къ побѣдамъ Тюреннемъ и Конде, все это не могло не упрочить основаній, противныхъ видамъ императора. Германія спаслась отъ честолюбія Австрійскаго дома; члены Аугсбургскаго исповѣданія и кальвинисты заслонились щитомъ народнаго права. Реформаты въ тѣсномъ смыслѣ не получили выгодъ, которыя доставило Пассауское перемиріе лютеранамъ; отсюда зародилось сѣмя раздора въ Германіи, вскорѣ уничтоженное впрочемъ Вестфальскимъ трактатомъ.

Исторія Тридцатилѣтней войны не обнимаетъ всей Европы. Нѣкоторыя націи, по разнымъ впрочемъ причинамъ, осторожно держались внѣ ея круга: Польша мало въ нее вмѣшивалась; Россія не приняла въ ней никакого участія. Смуты, причиненныя самозванцами, вторженіе коварныхъ сосѣдей, посягавшихъ на нашу народную святыню, были, къ счастію, послѣдними для насъ испыта-

ніями. Россія воспрянула могучимъ богатыремъ съ минуты своего перерожденія подъ благодѣтельнымъ скипетромъ Романовыхъ.—Турція оставила въ покоѣ Австрійскій домъ, имѣвшій противъ себя почти всю Европу.—Англія удержалась отъ участія въ заключительныхъ дѣйствіяхъ ратующаго протестантизма. Въ царствованіе двухъ послѣднихъ Стюартовъ, ея внутреннія волненія были совершенно чужды континентальной Европѣ.

Въ *четвертомъ* періодѣ системы равновѣсія (съ Вестфальскаго мира до кончины Людовика XIV, 1648 — 1715) возвеличенной Франціи достается то самое мѣсто, которое утратилъ Австрійскій домъ. Пока противниками Людовика XIV были: изнуренная Испанія, морская держава—Голландія и немногіе государи Германіи, онъ торжествовалъ надъ ними во все продолженіе войнъ, окончившихъ со славою для него трактатами въ Ахенѣ и Нимвегенѣ (1668, 1678). Но въ войнѣ за обладаніе Палатинатомъ, запутанной происшествіями Англійской революціи 1668 года, совокупныя силы Англіи, Голландіи и Германской имперіи произвели послѣдствія, весьма невыгодныя для честолюбиваго Людовика XIV.

Въ это время польскій герой Собѣсскій освобождаетъ Вѣну отъ гибели, отраженіемъ отъ стѣнъ ея 300,000-ой турецкой арміи. Великій визирь Кара-Мустафа, со слезами обнимая своего сына въ

Война за Испанское наслѣдство (1700 — 1713) нѣкоторое время благопріятствовала Людовику XIV', но съ 170½ года настали для него разорительныя неудачи. Престарѣлый король, обогащенный *золотомъ своего внука*, просилъ мира, и, для полученія его, согласился на унизительныя условія. Сраженіемъ при Мальплаке́ и переговорами въ Гертруденбургѣ заключились его испытанія: перевѣсъ торіевъ, въ 1710 г., при дворѣ Анны, наслѣдницы Вильгельма III, смерть императора Іосифа I (1711) и побѣда при Денень (1710) проложили Людовику путь къ прекращенію непріязненныхъ дѣйствій. Почитатели его утверждаютъ, что «онъ снизошелъ самъ съ вершины своего величія.» Какъ бы то ни было, миръ былъ подписанъ въ Утрехтѣ (1713), въ Раштатѣ, Баденѣ (1714) и въ Антверпенѣ (1715). Въ слѣдствіе этихъ громкихъ и сложныхъ событій, Англичане утвердились въ Гибралтарѣ; созданное Утрехтскимъ миромъ Сардинское королевство отрѣзало отъ Франціи Альпы; Голландцы овладѣли Намюромъ, Турне, Ипромъ, Мененомъ и пр.; Австрія захватила часть Нидерландовъ; Пруссія, недавно признанная королевствомъ, стала подвигаться къ Рейну. Европа видимо начала усугублять предосторожности противъ преобладанія Франціи, и передала надзоръ за равновѣсіемъ въ менѣе благопадежныя руки

Англіи. Сія держава, занимая, съ умысломъ, вниманіе государей и народовъ европейскими дѣлами, уничтожила всякую для нихъ возможность соперничества съ нею на моряхъ.—Замѣтимъ еще здѣсь, что около этого времени знаменитый планъ Мазарини, живописно выраженный словами «пониженіе Пиренеевъ», принесъ свои плоды. Принцъ изъ дома Бурбоновъ занялъ испанскій престолъ, и, черезъ новую династію, Пиренейскій Полуостровъ примкнулъ къ политикѣ Франціи.

На Сѣверѣ, Швеція, въ царствованіе Густава-Адольфа, внука Густава Вазы, (1611 — 1632) стяжала успѣхи всякаго рода, далеко несоразмѣрные съ ея народонаселеніемъ и финансами. Христина, дочь героя Швеціи, (1632—1652) подписала Вестфальскій миръ, и отреклась отъ короны. Карлъ X, наслѣдникъ Христины, увлекся своимъ воинственнымъ нравомъ, и вызвалъ тѣмъ противъ себя могущественный оборонительный союзъ; только смерть Карла положила конецъ опасеніямъ встревоженныхъ имъ дипломатовъ. Миръ, заключенный въ Оливскомъ монастырѣ, близъ Данцига, обезоружилъ Яна-Казимира, императора Леопольда I и курфирста бранденбургскаго Фридриха-Вильгельма Великаго (1660). Въ томъ же году заключенъ былъ Копенгагенскій трактатъ между Даніею и Швеціею, а трактатъ въ Кардисѣ примирилъ послѣднюю съ Рос-

сійскимъ государствомъ (1661). Швеція осталась сильною державою на Сѣверѣ, но уже не опасною для сосѣдей. Она получила достопамятный урокъ отъ коалиціи, смирившей ея излишнюю предпріимчивость. Эта коалиція могла еще разъ возобновиться и дѣйствовать уже рѣшительнѣе, отбросивъ прежнюю умѣренность. Но часто ли понимаютъ поучительность прошедшаго! многіе ли пользуются ею! Карлъ XI (1660 — 1697), увеличивъ объемъ и права королевской власти, передалъ ее своему сыну, Карлу XII. Наслѣдство не послужило въ пользу 15-ти-лѣтнему пылкому юношѣ (*). Швеція, по опромчивости своего короля, должна была оставить высокое мѣсто, недавно занятое ею. Безсмертный преобразователь Россіи, согласившійся отчасти подѣлиться своими подвигами съ Польшею и Даніею, ниспровергнулъ государя, который искалъ болѣе блеска и выгодъ войны, чѣмъ истинной славы для себя, и блага для своихъ подданныхъ (1697 — 1718).

Наконецъ нашему отечеству досталось могущество, по всѣмъ правамъ до сихъ поръ ему принадлежащее. Петръ Великій пересоздаетъ свой народъ; покоряетъ Черное море (1696) послѣ Азовскаго по-

---

(*) Въ 1710 году онъ писалъ въ стокгольмскій сенатъ: «Я вамъ пришлю въ правители мой сапогъ.».

хода; въ 1703 г. возникаетъ на берегахъ Невы сѣверная Пальмира. Россія разъ навсегда входитъ въ союзъ европейскихъ государствъ, и занимаетъ между ними почетнѣйшее мѣсто. Изъ всего Петрова царствованія, безпримѣрнаго въ Исторіи, одна лишь Прутская кампанія не можетъ назваться удачною. Нистадскій миръ съ Швеціею (1721) доставилъ намъ Лифляндію, Эстляндію, Ингрію и Карелію, и вмѣстѣ съ тѣмъ первенство на Балтійскимъ морѣ. Военная экспедиція въ Дербентъ ознаменовалась пріобрѣтеніемъ Каспійскаго моря. И все это сдѣлано геніемъ одного человѣка! Сенатъ, заодно съ дворянствомъ и духовенствомъ, являясь истолкователемъ единодушной воли Россіи, поднесъ Петру титулы Императора, Великаго и Отца отечества.

Въ восточной Европѣ политическія фазы оттѣнены общимъ характеромъ трехъ послѣднихъ столѣтій. Въ ней также возникаютъ коалиціи одна за другою, для возстановленія или ниспроверженія системы политическаго равновѣсія. Турція, управляемая Мустафою II, удержана на своемъ пути Карловицкимъ миромъ (1699), который передаетъ Леопольду I почти всю Венгрію. Въ царствованіе Ахмета III, Турки завоевываютъ Морею у Венеціянцевъ, вытѣсняютъ ихъ изъ Кандіи, блокируютъ Корфу. Императоръ Карлъ VI объявляетъ войну Портѣ, и блестящія побѣды принца Евгенія

при Петервардейнѣ и Бѣлградѣ приводятъ славный миръ въ Пассаровичѣ.

Въ *пятый* періодъ системы равновѣсія, простирающійся отъ кончины Лудовика XIV до Французской революціи (1715—1789), ниспровергнуты нѣкоторыя основанія благоразумной политики: пять войнъ, одна за другою, запутываютъ надолго отношенія между правительствами. Фридрихъ II, третій прусскій король, вступилъ на престолъ съ твердою рѣшимостью сдѣлать изъ Пруссіи первенствующую континентальную монархію. Вопросъ о законности ни разу не потревожилъ его на патріотическомъ пути къ утоленію личнаго честолюбія.

Франція, отъ которой, повидимому, слѣдовало бы ожидать сопротивленія политикѣ, современной Фридриху Великому, рѣшительно обѣдняла дарованіями въ лицѣ своихъ государственныхъ людей. Придворныя заслуги возводили на министерскую чреду людей неспособныхъ, которые, имѣя въ рукахъ судьбу народовъ, причиняли болѣе зла, чѣмъ пользы.

Изъ сего числа можно отчасти исключить Кардинала Флери: за отсутствіемъ болѣе положительныхъ заслугъ, онъ по крайней мѣрѣ отличался безкорыстіемъ и бережливостью. Но другіе французскіе дипломаты соединяли въ себѣ съ порочностью неопытность въ наукѣ вѣроятностей,

основанныхъ на живомъ знаніи Исторіи и человѣческаго сердца, въ наукѣ, называемой политикою. Напримѣръ, графъ де Бель-Иль, одинъ изъ двигателей войны за Австрійское наслѣдство (1741 — 1748), полководецъ и переговорщикъ, руководствовался болѣе своимъ воображеніемъ, чѣмъ разсудкомъ: всякая искра казалась ему путеводною звѣздою, и сбивала его съ дороги. Однажды Фридрихъ Великій, видя его озабоченнымъ, спросилъ, не получилъ ли онъ какихъ нибудь непріятныхъ извѣстій. «Ни какихъ», отвѣчалъ Бель-Иль, «но меня затрудняетъ мысль, что́ намъ дѣлать съ Моравіею.» Онъ смотрѣлъ на достояніе венгерской королевы, какъ на предметъ продажи съ молотка! Король присовѣтовалъ ему отдать Моравію Саксоніи, чтобы тѣмъ привязать польскаго короля къ союзу противъ Австріи: наивный маршалъ пришелъ въ восторгъ отъ этого плана, высказаннаго вскользь, и хотѣлъ тотчасъ же привесть его въ исполненіе!

Спустя нѣсколько лѣтъ, душею французской дипломатіи является аббатъ, въ послѣдствіи кардиналъ Берни, который спискалъ расположеніе г-жи Помпадуръ миѳологическими стихотвореніями. Какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ устроилъ дружественный союзъ съ венгерскою королевою (1756), долженствовавшій унизить

юную Пруссію, соперницу австрійскаго могущества. И что же? Самый легкій недостатокъ союза состоялъ въ томъ, что Маріи Терезіи достались всѣ выгоды, между тѣмъ какъ Франція не пріобрѣтала ровно ничего. Истинно рыцарская политика со стороны аббата, представителя французской обязательности въ отношеніи къ дамамъ! Но зато ничѣмъ нельзя оправдать его предъ памятью Генриха IV, Ришелье и Мазарини въ отступничествѣ руководимой имъ Франціи отъ ея анти-австрійской политики. Континентальныя войны, порожденныя отчасти дѣйствіями кардинала Берни, кончились миромъ, постыднымъ для Франціи. Она лишилась въ Европѣ дюнкеркскаго порта, доставшагося Англіи, въ Америкѣ Канады, въ Африкѣ Сенегала, въ Азіи индѣйскихъ колоній, которыхъ учрежденіе стоило неусыпныхъ трудовъ Дюплексу (Dupleix) и Лабурдонне. Англія, напротивъ, безостановочно шла впередъ. Въ первую войну она спасла Австрію отъ соединеннаго ожесточенія Франціи и Пруссіи; въ Семилѣтнюю войну она оказала ту же услугу Пруссіи противъ Франціи и Австріи. Очевидно, что вооруженное вмѣшательство въ чужія дѣла не осталось безъ награды. Огромныя земли, предоставленныя Англіи по Парижскому миру, открыли новые источники ея промышленности, а морскія ея силы, стѣсняемыя дотолѣ французскимъ

флотомъ, безпрепятственно направились къ успѣхамъ ея торговли и мореплаванія.

Неудачи, испытанныя Франціею въ Семилѣтнюю войну, примѣтное ослабленіе ея авторитета на вѣсахъ европейской политики, особенно въ продолженіе царствованія Людовика XV, устранили ея голосъ изъ вопроса о Польшѣ, которая достигла наконецъ предѣла своего бурнаго существованія, показавъ свѣту, къ чему ведутъ необузданная вольность, безначаліе и разладъ внутреннихъ элементовъ. Судьба ея едва ли могла изумить кого нибудь изъ безпристрастныхъ наблюдателей, и никогда не была тайною для проницательныхъ людей, хладнокровно читающихъ будущее въ настоящемъ. Отсутствіе средняго сословія, недостатокъ въ поощреніи отечественной промышленности, буйное вмѣшательство всѣхъ и каждаго въ постановленія сеймовъ, несообразность неповиновенія магнатовъ королю съ тѣмъ повиновеніемъ, котораго они требовали отъ мелкой шляхты и своихъ крестьянъ, все это посеяло основательныя спасенія въ умѣ благомыслящихъ Поляковъ. Уже Янъ-Казимиръ, возобновившій въ 1668 году примѣръ Карла V и Христины Шведской, предсказывалъ будущую судьбу своего отечества. «Я желаю», говорилъ онъ сейму, «чтобы слова мои остались ложнымъ проро-

чествомъ; но объявляю вамъ, что, если вы не остановите такъ называемыхъ вольныхъ сеймовъ, нанесшихъ намъ уже столько бѣдствій,—это прекрасное королевство непремѣнно сдѣлается добычею иноплеменниковъ....» Янъ-Казимиръ умеръ въ 1672 году въ Сенъ-Мартенскомъ аббатствѣ, и не позже какъ черезъ одно столѣтіе сбылось его предсказаніе.—

Блистательное для Россіи царствованіе Екатерины II слабо отразилось на происшествіяхъ современной ей Европы.—Къ концу пятаго періода принадлежитъ борьба Англіи съ американскими ея колоніями (1776—1783). Судьба Америки, долго слѣдуя непостоянству удачъ и пораженій, послѣ многихъ морскихъ битвъ, рѣшилась на материкѣ. Капитуляція лорда Корнвалиса въ Іорктоунѣ принудила Англію къ уступчивости (трактаты въ Версали и Парижѣ 1783—1784). Новая демократическая республика, возникшая за океаномъ, не замедлила придти въ цвѣтущее состояніе. Посвятивъ себя исключительно трудамъ мануфактурной и земледѣльческой промышленности, по своему положенію чуждые интригъ престарѣлой Европы, американскіе Соединенные Штаты оказались достойными своего счастія и всеобщаго уваженія—спутниковъ труда и благоустройства.

Шестой и послѣдній *періодъ* системы политическаго равновѣсія помраченъ ужасами Французской

революціи. Тѣснота рамы, избранной нами для нашего очерка, не позволяетъ слѣдить за главными явленіями этого чудовищнаго происшествія, — тѣмъ болѣе, что жизненность его еще не изсякла; его нечистые отпрыски не истреблены временемъ, но плодятся съ новою силою на одряхлѣвшемъ Западѣ. Безвѣріе, расторженіе священныхъ узъ общества, разладъ и—невольное уныніе благонамѣренныхъ людей, незнающихъ куда идутъ они,— живо напоминаютъ физіономію той эпохи, когда провидѣніе обновляло старый міръ. И между тѣмъ какъ все вокругъ насъ колеблется, мы съ гордостью и надеждою взирая на наше отечество, въ правѣ видѣть для себя въ настоящемъ залогъ необъятной, славной будущности.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія имена Наполеона и Александра Благословеннаго останавливаютъ на себѣ исключительное вниманіе Исторіи. Первый создалъ Имперію, которая рушилась, какъ всѣ преувеличенія, огласивъ Европу громомъ своего паденія; Александръ успокоилъ Европу, и тѣмъ щедро отблагодарилъ ее за просвѣщеніе, пересаженное изъ нея Петромъ Великимъ на плодородную почву Россіи. Но громадныя явленія сіи входятъ въ составъ уже *Новѣйшей Исторіи*.

2007099147

2007099147